

Леонид Андреев

Цветок под ногою

Леонид Андреев

Цветок под ногою

«Public Domain»

1911

Андреев Л. Н.

Цветок под ногою / Л. Н. Андреев — «Public Domain», 1911

«Имя его – Юра. Ему было шесть лет от рождения, седьмой; и мир для него был огромным, живым и очаровательно-неизвестным. Он недурно знал небо, его глубокую дневную синеву и белогрудые, не то серебряные, не то золотые облака, которые проплывают тихо: часто следил за ними, лежа на спине среди травы или на крыше. Но звезд полностью он не знал, так как рано ложился спать; и хорошо знал и помнил только одну звезду, зеленую, яркую и очень внимательную, что восходит на бледном небе перед самым сном и, по-видимому, на всем небе только одна такая большая...»

© Андреев Л. Н., 1911

© Public Domain, 1911

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Леонид Андреев

Цветок под ногою

I

Имя его – Юра.

Ему было шесть лет от рождения, седьмой; и мир для него был огромным, живым и очаровательно-неизвестным.

Он недурно знал небо, его глубокую дневную синеву и белогрудые, не то серебряные, не то золотые облака, которые проплывают тихо: часто следил за ними, лежа на спине среди травы или на крыше. Но звезд полностью он не знал, так как рано ложился спать; и хорошо знал и помнил только одну звезду, зеленую, яркую и очень внимательную, что восходит на бледном небе перед самым сном и, по-видимому, на всем небе только одна такая большая.

Но лучше всего знал он землю во дворе, на улице и в саду со всем ее неисчерпаемым богатством камней, травы, бархатистой горячей пыли и того изумительного, разнообразного, таинственного и восхитительного сора, которого совершенно не замечают люди с высоты своего огромного роста. И, засыпая, последним ярким образом от прожитого дня он уносил с собою кусок горячего, залитого солнцем стертого камня, или толстый слой нежно-жгучей, щекочущей пыли. Когда же с матерью он бывал в центре города, на его больших улицах, то по возвращении лучше всего помнил широкие, плоские каменные плиты, на которых и шаги, и самые ноги его кажутся ужасно маленькими, как две лодочки; и даже множество вертящихся колес и лошадиных морд не так оставалось в памяти, как этот новый и необыкновенно интересный вид земли.

И все было для него огромно: заборы, деревья, собаки и люди, но это несколько не удивляло и не пугало его, а только делало все особенно интересным, превращало жизнь в непрерывное чудо. По его тогдашней мерке предметы выходили такими:

Отец – десять аршин.

Мама – три аршина.

Соседская злая собака – тридцать аршин.

Наша собака – десять аршин, как и папа.

Наш дом одноэтажный, но очень-очень высокий – верста.

Расстояние от одной стороны улицы до другой – две версты.

Наш сад и деревья в нашем саду – неизмеримы, высоки бесконечно.

Город – миллион, но чего – неизвестно.

И все остальное в таком же роде. Людей он знал много, огромных и маленьких, но лучше знал и ценил маленьких, с которыми можно говорить обо всем; большие же держали себя так глупо и расспрашивали о таких нелепых, всем известных, скучных вещах, что приходилось тоже притворяться глупым, картавить и отвечать нелепости; и, конечно, хотелось как можно скорее уйти от них. Но были над ним, и вокруг него, и в нем самом два совершенно особенных человека, одновременно больших и маленьких, умных и глупых, своих и чужих; это были отец и мама.

Наверное, они были очень хорошими людьми, иначе не могли бы быть отцом и мамой; во всяком случае, они были людьми очаровательными и единственными в своем роде. С полной уверенностью можно было сказать одно: что отец очень велик, страшно умен, обладает безграничным могуществом и от этого немного страшен; интересно бывает с ним поговорить о необыкновенных вещах, для безопасности вложивши свою руку в его большую, сильную, горячую ладонь. Мама же не так велика, а иногда бывает совсем маленькою; очень добра она,

целует нежно, прекрасно понимает, что это значит, когда болит животик, и только с нею можно отвести душу, когда устанешь от жизни, от игры или сделаешься жертвою какой-нибудь жестокой несправедливости. И если при отце неприятно плакать, а капризничать даже опасно, то с нею слезы приобретают необыкновенно приятный вкус и наполняют душу такою светлою грустью, какой нет ни в игре, ни в смехе, ни даже в чтении самых страшных сказок. Нужно добавить, что мама необыкновенная красавица, и в нее все влюблены; это и хорошо, потому что чувствуешь гордость, но это и немножко плохо: ее могут отнять. И всякий раз, когда какой-нибудь мужчина, один из этих огромных, занятых собою и неизменно враждебных мужчин пристально и долго смотрит на маму, – становится скучно и беспокоино. Хочется стать между ним и мамой, и куда ни пойдешь по своим делам, отовсюду тянет назад. Иногда мама произносит нехорошую, пугающую фразу:

– Что ты все вертишься тут? Иди играть к себе.

И тогда ничего не поделаешь, надо уходить.

Пробовал он приносить с собою книжку или садился рисовать, но и это не всегда помогал: то мама похвалит его, что он читает, то опять скажет:

– Иди лучше к себе, Юрочка. Видишь, опять на скатерти воду разлил, всегда ты со своим рисованием что-нибудь наделаешь.

А потом упрекает за капризы. Но хуже всего, когда опасный и подозрительный гость только что пришел, а Юре надобно уже ложиться в постель, является чувство спокойствия и такое впечатление, будто все уже кончилось: огни погашены, жизнь приостановилась, все засыпает, и подозрительный гость не то также уснул, не то ушел совсем.

Во всех этих случаях с подозрительными мужчинами Юра, хотя и смутно, но очень сильно, чувствует одно: что каким-то образом он заменяет собою отсутствующего отца. И это делает его немножко старым, как-то дурно, по-взрослому настроенным, но зато необыкновенно сообразительным, умным и важным. Конечно, он никому об этом не говорит, так как никто его не поймет, но в том, как он ласкается к явившемуся отцу и покровительственно садится к нему на колени, чувствуется человек, до конца выполнивший свой долг. Бывает, что отец не поймет его и просто-напросто прогонит играть или спать, – Юра обиды не чувствует и уходит с огромным удовольствием. В понимании он как-то не особенно нуждается и даже несколько боится его: иногда ни за что не скажет, почему он плакал, или притворится рассеянным, неслышащим, занятым своим делом, а сам все прекрасно слышит и понимает.

И уже есть у него одна страшная тайна: он заметил, что эти необыкновенные и очаровательные люди, отец и мама, бывают очень несчастны друг через друга и скрывают это ото всех. Поэтому и он сам скрывает свое открытие и делает передо всеми вид, что все обстоит прекрасно. Много раз он заставлял маму плачущей где-нибудь в уголке в гостиной или в спальне; детская его рядом со спальней, и однажды ночью, почти на рассвете, он слышал страшно гневный и громкий голос отца и плачущий голос матери. Он долго лежал, притаив дыхание, но потом стало так страшно от этого необыкновенного разговора среди ночи, что не выдержал и тихонько спросил няньку:

– Няня, что они говорят?

И няня быстро, испуганным шепотом ответила:

– Спи, спи. Ничего не говорят.

– Я к тебе пойду.

– Как не стыдно, такой большой, и с нянькой спать!

– Я к тебе пойду.

Так, сдерживая голос, страшно почему-то боясь, чтобы их не услышали, долго спорили они в темноте; и кончилось тем, что Юра перебрался-таки к няньке, на ее грубую, колючую, но уютную и теплую простыню.

Наутро папа и мама были очень веселы, и Юра притворился, что верит им, и даже, кажется, действительно поверил. Но в тот же вечер, а может быть, и не в тот, а совсем в другой, он увидел отца плачущим. Это было так: он проходил мимо отцова кабинета, и дверь была полураскрыта, и что-то там слышалось, и он тихонько заглянул – отец лежал необыкновенно, животом вниз, на своем диване и громко плакал. И никого не было. Юра ушел, повертелся в детской и снова вернулся: так же была полуоткрыта дверь, так же никого не было, и все так же громко плакал отец. Если бы он плакал тихо, это еще можно было бы понять; но он всхлипывал громко, стонал грубым голосом, и зубы у него страшно скрипели. Лежал такой большой, во весь диван, прятал голову под широкие плечи, густо сопел и шмурыгал влажным от слез носом, – и этого нельзя было понять. А на столе, на его большом, полном карандашей, бумаги и других богатств столе, красным огнем горела лампа и коптела: плоской черно-серой ленточкой выбегала копоть и изгибалась в разные стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.